

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14–19 июля 1997 г. в Свободном университете Амстердама (Нидерланды) проходила V Международная конференция по когнитивной лингвистике. Несмотря на то, что как самостоятельное направление когнитивная лингвистика "родилась" всего около 10 лет назад, в этом году в конференции приняло участие более 300 человек; в течение шести дней работало шесть параллельных секций, не считая стендовых докладов.

С пленарными докладами выступили основатели направления – Дж. Лакофф, Л. Талми, Д. Герартс, Р. Лангакер, Ж. Фоконье и некоторые другие.

Дж. Лакофф (Калифорнийский ун-т в Беркли, США) рассказал о метафоризации глаголов, описывающих движения рукой – типа *пихать*, *толкать*, *давить* и т.д., и нейронной модели интерпретации этих глаголов. Ключевым словом доклада Дж. Лакоффа было *embodiment* 'воплощенность', которое в данном контексте можно было бы перевести как 'воплощение в человеческом теле': в большой степени основой для метафорических интерпретаций естественно-языковых контекстов служит человеческое тело и наиболее характерные физические движения человека.

Л. Талми (Нью-Йоркский ун-т в Баффало, США) говорил о связи языка (как когнитивной системы) с другими когнитивными системами – восприятием (зрительным, слуховым и т.п.), рассуждением, эмоциями, вниманием, памятью и культурными моделями. Идея заключается в том, что есть специфические черты для каждой из систем (например, парность для зрения), а есть черты, частично проявляющиеся и в других системах, например, симметрия, необходимая в зрительной системе, может возникать и в языке. Но кроме того, во всех этих системах есть общее, что, по мнению Л. Талми, и создает базу для единого когнитивного подхода. Это была одна из реплик в скрытом споре с хомскианцами, считающими, как

известно, язык отдельной, независимой от других, врожденной системой.

Д. Герартс (Лувенский ун-т, Бельгия) спорил открыто: он построил свой доклад в форме платоновского диалога, одним из собеседников в котором была *Antipoda Prolifica* – сторонница "идеалистического" подхода к языку (прототипом которой являлась Анна Вежбицкая). Этот подход, по мнению ее оппонента по имени *Duodecimus Empiricus* (в образ которого вошел автор доклада), выражается главным образом в интроспекции как основном инструменте лингвистического исследования. В противоположность ему альтернативный подход признает только экспериментальные методы (в том числе и в лексикографии), с опорой на мнение носителей языка и статистическую обработку полученных данных. Таким образом, центральным в докладе Д. Герартса стал вопрос о месте теории и практики в лексической семантике, причем вопрос этот изначально ставился в форме выбора: или – или. Впрочем, диалог был построен так, что каждая из сторон последовательно выдвигала свои аргументы, защищалась, и в результате оказалось, что главное для автора – это сама возможность "мирного" спора в нутри одного и того же когнитивного направления.

Р. Лангакер (Калифорнийский ун-т в Сан Диего, США) – признанный лидер когнитивной теории. Известно, что у Лангакера есть своя концепция, свой метаязык. "Изнутри" в этой теории, как и во всякой другой "закрытой" системе, нет и не может быть никаких вопросов или разногласий: есть только развитие. Одним из главных поступатов Р. Лангакера является то, что всякая метаструктура применима к анализу разных языков и самых разнообразных языковых явлений, независимо от уровня языка и степени сложности самого явления. Поэтому его доклад был посвящен применению уже хорошо известного понятия "профиль" в синтаксисе – прежде всего для определения подлежащего и для описания разных типов субъектно-объектных отношений в простом

предложении. В докладе использовался материал разных языков, в том числе японского и лусиньо, однако материал славянских языков не привлекался (в частности, не рассматривались безличные конструкции, которые как раз обычно и нарушают стройность принятых синтаксических теорий, когда речь заходит о подлежащем). По нашему мнению, сама идея применения понятия "профиль" в синтаксисе вполне плодотворна. В самом деле, профиль предложения – это нечто вроде его темы, только понимаемой более широко. Так, в лексической семантике близайшим аналогом понятия "профиль" оказывается "таксономический класс". Ср. здесь самый известный пример Р. Лангакера со словом гипотенуза (повторенный в докладе): профилем семантического описания этого слова будет 'отрезок', а "остаток" толкования – что-то вроде: "... такой, что он является стороной прямоугольного треугольника и расположен напротив прямого угла" (этот "остаток" в терминологии Р. Лангакера называется б а з о й).

Таким образом, профиль – тема, но подлежащее в обычном понимании тоже тема, поэтому маркирование подлежащего в естественном языке оказывается одним из способов "профилирования" предложения. И в этом случае, как естественно-языковой механизм, оно становится в один ряд с очень многими другими явлениями, которые в Когнитивной грамматике Р. Лангакера описываются тем же способом.

Хотелось бы обратить внимание на это обстоятельство: с точки зрения теории и истории лингвистики оно представляется нам очень важным. Хотя когнитивное направление утверждается его сторонниками (в том числе и на этой конференции) как явная оппозиция к формальному подходу и "универсальной" теории Хомского и кажется по духу чрезвычайно близким нашей отечественной лингвистической традиции, тем не менее, оно развивается в среде исследователей и приверженцев именно этих западных (и на сегодняшний день, скорее господствующих) направлений лингвистической мысли, и, что очень естественно, пытается решить те же задачи, хотя и другими средствами. В частности, как можно судить и по докладу Р. Лангакера, и по его работам, и по работам других лингвистов этого направления, их заботит все-таки не конкретно-языковой материал (при всем к нему внимании), а те же поиски универсальных принципов описания языка. Их принципы иные, чем у Хомского, они новые, они имеют когнитивную основу, объединяют лингвистику с физиологией, психологией и социологией, но они должны обязательно быть ничуть не менее универсальны

– пусть даже иногда в ущерб языковым мелочам – иначе в том научном контексте это не смотрится как полноценная теория.

Среди докладчиков, выступавших на пленарном заседании, был хорошо известный в нашей стране типолог В. Крофт (Манчестер, Великобритания). Он говорил об идеях когнитивной лингвистики, применимых в типологии, в частности, о грамматике конструкций как достаточно универсальном способе описания синтаксических явлений, о радикальной структуре значения как способе разрешить проблему многозначности грамматических категорий (например, падежей) и об их несопоставимости в разных языках.

Очень похожий подход к изучению грамматических категорий был применен Л. Янды (ун-т Северной Каролины, США) – но в диахронии. Она рассказывала о процессе утраты славянскими языками грамматической категории двойственного числа. Потеря этой категории не привела к автоматической утрате соответствующих морфологических показателей: во многих языках они переинтерпретировались как показатели лично-мужского рода (польский, болгарский и др.). Задачей Л. Янды было показать, что этот переход был вполне естественным с семантической точки зрения. Действительно, двойственное число – маркированная категория. Из двух других показателей числа – единственного и множественного – более маркированным является единственное, а не множественное, в том смысле, что единственное число обычно выражает "фигуру", а множественное более приспособлено для выражения "фона" (если пользоваться терминами Л. Талми). Бывший показатель двойственного числа "выбрал" (в системах типа польской) как раз тот единственный фрагмент множественного, который наиболее маркирован, а именно, множественное при обозначениях лиц мужского пола (прототипических деятелей). Тем самым он сохранился как показатель "маркированного" числа – выражающего в данном случае фигуру, а не фон.

Как видим, в рамках когнитивного направления происходит поиск новых оснований для систем грамматических категорий в естественном языке – исходя из представления о подвижности, изменчивости самих этих систем. В таком случае основой для их временной стабильности служат общие когнитивные принципы, создающие для носителя языка "удобные" условия для их использования в этом виде.

И. Свистер (Калифорнийский ун-т в Беркли, США), известный специалист в области когнитивного подхода к проблемам диахронии, на этот раз свой доклад на

плебарном заседании посвятила новому подходу к проблеме композициональности. Понятие композициональности в традиционной формулировке (значение целого равно сумме значений частей плюс значение операции над частями) оказывается, по мнению И. Свитсер, недостаточным уже потому, что предполагает существование некоторого постоянного значения, все компоненты которого необходимым образом участвуют в процедуре сложения с другим значением. Между тем значение не постоянно – оно контекстно зависимо: в разных контекстах выступают разные грани значения (ср. известный пример Р. Лангакера *красный карандаш* – ‘пишет красным’ или ‘имеет красную поверхность’). Отсюда “избыточность самого значения и возможность его взаимодействия с контекстом на разном уровне. Таким образом, автору удается сохранить саму идею композициональности, но путем усложнения как структуры значения (ср. понятие *ментальных пространств* – *mental spaces* у Ж. Фоконье), так и процедуры сложения смыслов.

Оживленную полемику вызвал доклад на секции Д. Тагги (Летний лингвистический институт, США) “Хранение или порождение сложных языковых структур: четыре максимы”. Д. Тагги защищал возможность хранения сложных с лингвистической точки зрения структур в мозгу человека целиком, в готовом виде, и отрицал всеобщность привычной лингвистам процедуры порождения, в частности, всеобщность противопоставления слова – грамматическое. Тагги считает, что если сложные структуры и порождаются носителем языка по определенным правилам, то, во-первых, не обязательно всяким носителем, во-вторых, не обязательно во всех обстоятельствах, в-третьих, не обязательно все без исключения структуры и, наконец, не обязательно только порождаются: человек может использовать правила и память одновременно, то есть вспоминать готовые формы, как бы опираясь на процедуру их порождения.

Многие доклады были посвящены семантике, прежде всего лексической, причем обычно исходным материалом для анализа служили опросы информантов и статистическая обработка полученных ответов. Так, доклад Д. Бейтэль, Р. Гибса и П. Сандерса (Калифорнийский ун-т в Санта Крузе, США) был посвящен семантике английского предлога *on*; авторы этой работы предлагали испытуемым вопросы типа: является ли ситуация, описываемая как ‘на столе’, ‘на шее у родителей’ и под., ситуацией поддержки, давления, по-

крытия, видимой ситуацией и др. под., и на основании полученных ответов строили свои выводы о семантике *on*. Доклад А. Ченки (ун-т Атланты, США), относящийся тоже к области экспериментальной семантики, был посвящен сопоставлению двух близких категорий морали в русском сознании – ‘честность’ и ‘порядочность’ – на основе исследований жестов, образной системы, языковых и внеязыковых ситуаций, связанных с этими категориями.

Заседания последнего дня конференции были организованы по типу “круглого стола” – обсуждались проблемы полисемии, метонимии и метафоры, когнитивные модели изучения иностранного языка и некоторые другие темы. Один из круглых столов был посвящен столетию Бенджамина Уорфа. Исследовательница жизни и творчества Б. Уорфа П. Ли выступала на заседании с экрана, находясь при этом у себя в университете Западной Австралии. В дискуссии приняли участие К. Годдард (он говорил о связи концепций Б. Уорфа и А. Вежбицкой) и Дж. Лакоф. Доклад Лакоффа был, как всегда, достаточно парадоксальным: он выступил с критикой критиков Б. Уорфа, утверждая, что последующие интерпретаторы и публикаторы его работ понимали его идеи слишком прямолинейно и однозначно. Между тем уже сам факт, что какие-то свои работы (в частности, касающиеся хопи) Б. Уорф не публиковал при жизни, говорит о том, что он не придавал некоторым своим лингвистическим утверждениям (например, об отсутствии в хопи метафор времени) того значения, которое было приписано им позже независимо от его воли. И наоборот, исследователи недооценивают религиозную составляющую в творчестве Б. Уорфа (а он был глубоко верующим христианином) – в частности, его интересовала проблема поиска самого совершенного, прозрачного, лучшего языка, и отпечаток именно этой идеи лежит на всей его лингвистической деятельности.

В целом, конференцию можно характеризовать как важное событие лингвистической жизни в мире. Она объединила разных исследователей общим интересом к причинам языковых явлений и процессов и общим пониманием того, что без исследования этих причин ничего ни в каком языке понять нельзя.

VI конференция по когнитивной лингвистике состоится в 1999 году в Стокгольме.

E.B. Рахлина
(Москва)*

* Настоящая работа поддержана грантом РФФИ N 97-04-06380а.

© 1998 Е.В. РАХИЛИНА

СЕМАНТИКА РУССКИХ "ПОЗИЦИОННЫХ" ПРЕДИКАТОВ: СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ И ВИСЕТЬ*

1. ВВЕДЕНИЕ: ЯЗЫКИ КЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ

В отношении местонахождения объекта языки ведут себя по-разному, в зависимости от того, какую из двух основных тенденций – универсальную или классифицирующую – данный язык предпочитает. Универсальная тенденция предполагает, что в языке есть один главный локативный предикат, который описывает любое локативное состояние независимо от типа объекта¹. Подобным образом устроен, в частности, французский язык, использующий в качестве такого предиката глагол *être*.

Наоборот, если в языке господствует классифицирующая тенденция, то в нем одно и то же локативное состояние может описываться разными предикатами, в зависимости от того, об объекте какого типа идет речь: разные объекты требуют для своего описания разных предикатов. Иными словами, чтобы в таком языке выбрать лексему для описания ситуации 'нечто находится в горизонтальном положении', нам нужно знать, о каком объекте идет речь: человек ли это, животное, дерево, и т.п. Так устроены грузинский, некоторые дагестанские языки, многие языки американских индейцев (в том числе навахо). В них глаголы местонахождения как бы классифицируют предметную лексику, различая объекты внешнего мира по одушевленности, форме и проч. – поэтому такие глаголы и называют классифицирующими².

2. ЛОКАТИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

К какому же типу ближе русский язык – к классифицирующему или универсальному? Специалисты в области иностранных языков, прежде всего французского, отмечали в русском классифицирующие тенденции (см., в частности, [Гак 1988]; ср. также [Апресян 1995: 17–18]). В настоящей работе эта проблема обсуждается на примере трех основных так наз. "позиционных" (ср. англ. термин "stance verbs")

* Данная работа выполнена при поддержке фонда Research Support Scheme of the Open Society Institute (грант № 49/94) и Российского Гуманитарного научного фонда (грант № 97-04-06380а). Автор благодарит Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюнову, Т.В. Булыгину, Д. Вайса, Б. Нильссон, В.А. Плунгяна, К. Серра Борнето, А. Ченки и Л. Экберг, в разное время принимавших участие в обсуждении основных положений данной работы.

¹ Более того, как полагают некоторые исследователи (прежде всего, сторонники так называемой локалистской гипотезы, ср. обзор в [Cienki 1996]), с течением времени в языке другие типы состояний (прежде всего, эмоциональные) "занимают" средства выражения у локативных состояний (ср. здесь русск. *Он в комнате – Он в гневе*); в таких случаях область действия универсального предиката может оказаться еще шире.

² Интересно, что в некоторых американских языках так устроена не одна семантическая группа, а практически вся глагольная лексика. При этом поведение глаголов (в том числе и в отношении классов имен, которые они выделяют) оказывается близко к поведению так называемых классификаторов – обязательных "спутников" имен в счетных и нек. др. конструкциях, задающих (семантический) класс объекта (подробнее см. обзор в [Плунгян, Романова 1990]).

локативных предикатов русского языка: *стоять*, *сидеть*, *лежать*. В русском языке эти глаголы описывают прежде всего три разных положения человека в пространстве: вертикальное – *стоять*, горизонтальное – *лежать* и в некотором смысле промежуточные положения человека, которые условно можно назвать "сложенными" – *сидеть* (ср. разные положения человека, описываемые этим последним глаголом: *сидеть на стуле*, *сидеть верхом*, *сидеть на полу*, *сидеть на корточках*, *сидеть по-турецки*). Эти же глаголы в русском языке применимы к описанию животных; как и следовало ожидать, положения животных при этом уподобляются положениям человека. Так, по-русски говорят *собака лежит на коврике*, *конь стоит в стойле*, *лягушка сидит на дорожке* и под.

Конечно, совсем не все животные могут, как человек, менять свое положение в пространстве, поэтому если к существительному *собака* могут быть применены все три предиката – *собака стоит/лежит/сидит*, то, например, живая лягушка описывается только одним способом, ср.: **лягушка стоит/лежит*. В подобных случаях можно было бы считать, что таким образом устанавливается некая классификация животных – по их форме и обычным положениям в пространстве, – иначе говоря, по их *топологии*³ и что эта классификация в дальнейшем будет переноситься и на неодушевленные объекты. А именно: выделяются, с одной стороны, вытянутые вверх, вертикально ориентированные объекты – к ним применим предикат *стоять* (ср. *шкаф*, *дерево*, *стена*, *фонарь* и под.) и, с другой стороны, плоские, горизонтально ориентированные объекты – их описывает предикат *лежать* (ср. *коврик*, *поваленное дерево*, *доска*, *снег под ногами* и др.). Отсюда естественно было бы сделать следующий вывод: если центральными, "прототипическими" употреблениями для *стоять*, *лежать* и *сидеть* являются те, что описывают человека, то расширение центра происходит за счет сходной с человеком топологии других объектов (ср. описание похожих механизмов в [Hawkins 1988]).

Надо сказать, что такая точка зрения представлена в лингвистической литературе, причем самого недавнего времени: см. [Serra Borneto 1996] (правда, в этой статье идет речь не о русских, а о немецких глаголах *stehen* 'стоять' и *liegen* 'лежать'; аналогичная "пространственная" интерпретация русского материала предлагается в [Кравченко 1996]). Стержнем, основной теоретической идеей в этом случае оказывается "сплошная" метафоризация противопоставления вертикальности и горизонтальности, которая должна охватывать абсолютно все случаи употребления позиционных предикатов, несмотря на то, что многие из них отстоят от прототипа достаточно далеко. Ср., например, *деньги лежат* (а в немецком языке – *стоят*) *на счете в банке*; в таком случае этой ситуации тоже навязывается метафора горизонтальности (или вертикальности) счета. Кроме того, в стороне оказывается предикат *сидеть*, сразу нарушающий дихотомию вертикальность/горизонтальность; в статье Серра Борнето предикат с таким значением не рассматривается.

В настоящей работе мы предлагаем принципиально другой подход к описанию позиционных предикатов, прямо не связанный с их зрительным прототипом, но при этом, с нашей точки зрения, вернее предсказывающий сочетаемостное поведение различных представителей этой семантической группы глаголов.

3. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТОПОЛОГИИ

Прежде всего, обратим внимание на то, что есть достаточно много примеров, выходящих за рамки топологического объяснения, ср.:

В конце предложения стоит точка

На столе лежат помидоры

Пробка крепко сидит в бутылке

Пыль стоит столбом

³ О роли "лингвистической топологии" в описании наивной картины мира см. прежде всего [Talmy 1983].

Пирог сидит в печке

Передо мной лежит пропасть, и др.

Очевидно, что топологические свойства данных объектов таковы, что сами эти объекты не укладываются в классификацию, о которой мы только что говорили: точка не является вертикальным объектом, пропасть – горизонтальным, пирог – "сложенным" и т.п. Очевидно и то, что если, говоря о человеке, мы имеем в виду три его *разных*, противопоставленных друг другу положения, то в этих примерах речь идет, в сущности, об *одном и том же* (а именно, *неподвижном*) положении в пространстве, и тем не менее, в одних примерах используется глагол *стоять*, в других – *лежать*, в третьих – *сидеть*, причем без возможности заменить одно на другое.

Как представляется, эти примеры свидетельствуют о том, что расширение значения глаголов происходит не только за счет (топологических) типов *объектов*, но и за счет типов *ситуаций*, т.е. семантики самих глаголов. Если наша гипотеза верна, значит в семантике *стоять*, *сидеть*, *лежать* есть некоторые нелокативные компоненты (не замеченные нами раньше), дополнительно характеризующие положение в пространстве, в том числе и человека. Эти компоненты значимы для глаголов во всех их употреблениях, хотя в "центральных", прототипических контекстах они не имеют большого семантического веса. Между тем, большинство локативных ситуаций с неодушевленными объектами различается в русском языке именно благодаря этим дополнительным нелокативным компонентам в семантике позиционных глаголов.

4. СТОЯТЬ И ЛЕЖАТЬ:

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО СЕМАНТИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Рассмотрим подробнее пару *стоять* и *лежать*. Отметим прежде всего, что среди употреблений *стоять* есть зона, не связанная с "конкурентными" употреблениями глаголов местонахождения: *стоять* используется для описания окказиональных неподвижных состояний постоянно движущихся объектов, ср.: *поезд стоит две минуты*, *часы стоят*, *завод/мельница стоит* (в значении 'не работает'), *в городе стоит* ('остановился, не перемещается') *кавалерийский полк* и под. Ни глагол *лежать*, ни глагол *сидеть* не описывают подобных ситуаций, поэтому постоянно движущиеся объекты представляют для нас в данном случае меньший интерес и в дальнейшем игнорируются.

Предметом нашего внимания в первую очередь будут те неподвижные объекты, которые можно было бы назвать "невертикальными", в силу чего они не могут быть уподоблены стоящему человеку. Мы говорим: *посуда стоит на столе*, имея в виду не только стаканы и кастрюли, но и тарелки и сковородки, – объекты абсолютно плоские. Мы говорим: *обувь стоит под вешалкой*, имея в виду не только сапоги и ботинки, но и туфли и тапочки, т.е. тоже более или менее "горизонтальные" объекты. Можно было бы предположить, что здесь важна ориентация верх/низ, и что она в каком-то смысле заменяет вертикальность (эта гипотеза обсуждается и в [Sega Borneto 1996]). В таком случае, интерес представляют объекты с невыраженной пространственной ориентацией (такие как, например, *ящик*, *коробка* и под.): они имеют нефиксированные размеры и форму, т.е. могут быть и высокими, и плоскими; нет у них и раз и навсегда определенного верха и низа. Оказывается (это подтверждают, в том числе и опросы информантов), что предметы такого рода, находящиеся в одном и том же положении, могут описываться как глаголом *стоять*, так и глаголом *лежать*. Тоже относится к "бесформенному" и "безразмерному" имени *вещь*: в одной и той же ситуации можно в подавляющем большинстве случаев сказать *и вещи стоят, и вещи лежат*⁴. С другой стороны, о более или менее круглых

⁴ Более абстрактное имя *предмет* употребляется в локативных конструкциях реже, ср.: *в углу стояли вещи/предметы; на столе лежало много интересных вещей/предметов*; обычно в таких случаях требуется по крайней мере неопределенное местоимение: *в углу стоял какой-то предмет, на столе лежали какие-то (непонятные) предметы*, и т.п. Еще более абстрактное имя *объект* в локативных конструкциях вообще не встречается.

предметах, таких как мяч или камень, помидор, яйцо и под. в русском языке говорят только лежит. Но даже если считать, что у них нет выраженной вертикальной оси (см. [Serra Boettger 1996]), нельзя признать у них и существования горизонтальной оси. Тогда почему в русском языке (как и в немецком) в таких случаях употребляется предикат лежать? Что заставляет говорящего выбирать то или иное решение?

Нам представляется, что когда говорящий использует глагол стоять, он обращает внимание на **функциональность** объекта, и наоборот, в тех случаях, когда используется глагол лежать, объект как бы отделен от своей функции. Стоят: мебель, лес, корабль в бухте; лежат: – зонтик в шкафу, булавки в коробке, лекарства в ящике, лопаты в сарае и под. Следовательно, для стоять важна такая ориентация объекта в пространстве, которая соответствует его **функции**, а для лежать – не просто и не обязательно горизонтальное расположение объекта, а такое положение, которое бы *не* соответствовало его функции. В этом отношении идея "правильной" и "неправильной" ориентации в пространстве типа "верх-низ" является очевидным следствием нашего функционального правила: "правильная" ориентация объекта обычно связана с тем его положением в пространстве, в котором он функционирует, в данном случае, используется человеком. Наоборот, "неправильная", неестественная его ориентация в пространстве обычно возникает тогда, когда он находится в "нерабочем" состоянии. С другой стороны, все-таки та или иная ориентация объекта обязательно оправдана функционально, и тогда в качестве условия выбора между стоять и лежать функциональность оказывается сильнее топологии.

В самом деле, про все, что в шкафу, в сарае, на полке, на свалке – отложено, сложено до лучших времен или выброшено за ненадобностью, – про все это мы говорим ЛЕЖИТ. Однако в действительности это не значит, что описываемые объекты непременно сохраняют горизонтальное положение или что ориентация "верх-низ" у них обязательно нарушена. Когда говорят: Зимой все велосипеды всегда лежат у нас в сарае, это значит, что они находятся в сарае, но при этом могут стоять, например, прислоненные к стене. Когда говорят: Наш старый холодильник давно лежит на свалке это значит, что он находится на свалке, но не обязательно валяется на боку – он может сохранять свое обычное положение, просто он уже не нужен, больше не используется. Более того, про некоторые предметы мы точно знаем, что они именно СТОЯТ (т.е. расположены с соблюдением ориентации верх-низ) – например, посуда в шкафу, и тем не менее, по-русски можно сказать также: Вся новая посуда лежит в буфете или: Где у вас лежат тарелки? Ср. также: В правом шкафу у нас лежат книги, а в левом – пластинки. (Пластинки и книги, скорее всего, конечно СТОЯТ в шкафу, но у говорящего есть возможность употребить и глагол лежать). Наоборот, если взять такой достаточно "горизонтальный" предмет, как мыльница, то окажется, что предложение с глаголом стоит (моя мыльница стоит на полочке), вполне допустимо, так как оно описывает функционально значимое положение объекта – ср. мыльница лежит/*стоит в чемодане.

Бессспорно, данный нелокативный – функциональный – компонент значения возникает именно потому, что в языковой картине мира (по крайней мере для русского языка) существует представление, что стоя человек работает, движется, живет, а лежа – отдыхает, спит, болеет, умирает, и, таким образом, топология все равно оказывается исходной, а картина употреблений стоять и лежать – целиком антропоцентричной, т.е. ориентированной на человека. Однако синхронно, на наш взгляд, семантической доминантой для стоять и лежать является скорее не локативная, а функциональная составляющая. Именно она объединяет существующие употребления стоять и лежать и втягивает в их орбиту новые контексты.

5. НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ

В подтверждение высказанной гипотезы рассмотрим следующие примеры⁵.

И лодка, и в особенности плот представляют собой горизонтально ориентированные предметы; однако, если по-русски говорят *плоты* или *лодки лежат*, это значит, что они сложены *на берегу*. Про находящиеся в воде лодку или плот скажут *стоит*, ср.

Лодки / плоты стоят у причала;

Брошенные спасателями лодки стояли посредине реки у острова потонувшего судна.

Это довольно существенный довод против чисто топологической интерпретации *стоять* и *лежать*. Дело в том, что ни размеры, ни ориентация объекта здесь не меняются: про *один и тот же* объект в процессе его функционирования скажут *стоит*, а вне его – *лежит*, причем здесь, в отличие от ситуации с ящиками или коробками никакого произвола говорящего нет, так как эти употребления жестко закреплены в языке, ср.:

? Лодка стояла на берегу;

* *Брошенные спасателями лодки лежали посредине реки.*

Совершенно также ведет себя существительное *крышка*: про крышку, которой закрыта кастрюля, никогда не скажут *лежит*: сочетание *крышка лежит* описывает только нефункциональное положение крышки (например, на столе, отдельно от кастрюли, в перевернутом положении).

Рельсы железнодорожного полотна тоже расположены горизонтально, тем не менее предложение *прямо перед паровозом лежали* *{новенькие}* рельсы мы интерпретируем не так, что оно соответствует ситуации, когда на этих рельсах стоит поезд и собирается по ним ехать (функциональная интерпретация: рельсы в рабочем состоянии), а, скорее, как то, что рельсы по какой-то причине были свалены перед паровозом, преграждая ему путь (нефункциональная интерпретация).

Следующая группа примеров касается глагола *лежать* в применении к живым существам. Большинство животных, как мы уже говорили, в языке уподоблено человеку, и их положения в пространстве как бы приравниваются к положению человека. Но насекомые, птицы и некоторые мелкие животные оказываются не похожи на человека: наиболее характерное их положение в покое описывается глаголом *сидеть*, а не *стоять* (см. об этом подробнее ниже), ср. *ласточка сидит на ветке*; *пчела/жука/бабочка сидит на подоконнике*. Ср. также предложение *на листе сидела гусеница*, возможное несмотря на то, что гусеница вытянута на листе горизонтально. Как видим, глагол *лежать* не применим к описанию *живых* насекомых, птиц и проч., независимо от того, к какому топологическому типу они относятся⁶. Сочетания же *жука/гусеница/червяк лежит* описывают умершие существа (и, тем самым, вкладываются в зону употреблений *лежать*).

Любопытный случай – сочетаемостные свойства слова *пластырь*. Вообще говоря, пластырь представляет собой яркий пример плоского горизонтального объекта, идеально подходящего по своим топологическим свойствам для глагола *лежать*, и тем не менее, ситуация, в которой пластырь "работает", т.е. приклеен, закрывает рану на коже, именно в силу своей функциональности, никогда не может быть описана как: **{у него на руке} лежит пластырь*.

Обратим внимание, что последние примеры образуют весьма своеобразную группу языковых объектов: для них не существует способа описать их положение в прост-

⁵ Наши примеры получены в результате работы с базой данных "Лексикограф. Предметные имена" (см. [Красильщик, Рахилина 1992]; о проекте "Лексикограф" см. также [Кустова и др. 1993]).

⁶ Некоторые информанты указывают на возможность употребления *лежать* для описания неподвижных змей, черепах или крокодила. Интересно, что в тех же случаях часто возможно и употребление глагола *сидеть*, ср.: *На песке лежал / сидел крокодил и смотрел на нее грустными глазами*.

ранстве, когда они находятся в "рабочем" состоянии. Действительно, все эти объекты слишком горизонтальны, чтобы к ним можно было применить предикат *стоять*, и слишком "активны", чтобы к ним был применим предикат *лежать*.

И словари, и грамматики отмечают в качестве характерных употребления *лежать* для описания видимых нами как бы с высоты больших неподвижных объектов, в каком-то смысле "пространств". **ЛЕЖИТ:** *море, степь, равнина, пропасть, ущелье, горы* (NB!); *город, крепость, развалины* и др. Однако и про горы, и про город, и про крепость, и даже про развалины (т.е. про все сколько-нибудь возвышающиеся объекты) можно сказать и **СТОИТ**, если сделать акцент на их существовании/функционировании. Когда говорят *Перед нами стояли развалины крепости* (при возможном ...*лежали*...), это значит, что хотят подчеркнуть, что крепость еще в каком-то смысле функционирует – например, воспринимается в качестве препятствия на пути. Последнее осмысление встречается, пожалуй, наиболее часто, ср., например, *Перед нами стоял бушующий океан* и мн. др. Отметим здесь, что в отличие от множественного *горы* единственное число *гора* в русском языке не концептуализируется как "пространство".

С другой стороны, все, что предназначено для использования, скорее описывается глаголом *стоять*. Обратим внимание на некоторые интересные случаи.

О цветах говорят, что они *стоят*, не тогда, когда они растут, а тогда, когда они поставлены в вазу. Ср., однако, *деревья стоят/лес стоит* (о растущих деревьях).

Вещи тоже могут описываться глаголами *стоять* и *лежать*: так, соль, сахар, мука *стоят* на столе, упакованные в пачки или пакеты (происходит метонимический перенос *пакет стоит* → *соль/сахар стоит*; такой же перенос возможен и для глагола *лежать*). Однако насыпанные горкой соль или сахар не описываются ни глаголом *стоять*, ни глаголом *лежать*. Выражение *вода стоит* подразумевает, что вода представляется действующим лицом, способным двигаться – опускаться, подниматься, уходить, ср.: *Вода ушла из колодца, Вода стоит высоко, В канаве стоит вода, но?* *В стакане / в море стоит вода*, и под.

Пыль *лежит* на столе и *стоит* в воздухе: в последнем случае она "работает" – "пылит". Точно так же объясняются сочетания *стоит дым* (*пар, чад, запах*), а также *мороз, жар, тишина, скука, холод, крик, выбор, вопрос, задача, проблема*, и даже *полдень / март*; ср. также *Ее лицо стояло в памяти / передо мной; стоит костью / как кость в горле*.

Точка (и другие знаки препинания), печать и подпись *стоят* – тоже в функциональном смысле⁷.

Тени, будучи отброшены, разумеется, *лежат* (*на стенах, на полу и даже на потолке*). При этом ни луна, ни солнце, ни звезды, конечно, не лежат, а исключительно *стоят* *на/в небе*: именно в этот момент они максимально освещают Землю.

О деньгах всегда говорят *лежат*: в банке, на книжке, в кошельке, в кассе, в тумбочке. В русском языке нет представления об их рабочем состоянии (можно, правда, упомянуть такие глаголы, как *обращаться* и особенно распространившееся в последнее время *крутиться*).

Предложение *Рукопись лежит в редакции* означает, что по каким-то причинам ей нет ходу, она не печатается. Аналогично интерпретируется и сочетание *лежать под скуном*.

⁷ Особое употребление представлено в: *Печать усталости лежала на ее лице*. Оно описывает неконтролируемое состояние человека, которое он может не проявлять и в отдельных случаях даже не ощущать, ср.: *Она весело болтала с нами, живо реагировала на все происходящее, но на лице ее лежала печать усталости и глаза ее не смеялись*. Ср. здесь осознанное и в каком-то смысле контролируемое состояние, описываемое как: *Тревога стояла в ее глазах* =*Ей было тревожно; ее глаза передавали тревогу*.